

Гусельцева М.С. Отрочество: миф или реальность?

Междисциплинарный подход к проблеме

English version: [Guseltseva M.S. Adolescence: the myth or the reality? The interdisciplinary approach to the problem](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Статья посвящена междисциплинарному изучению феномена отрочества французскими и американскими исследователями, начиная от этимологического анализа понятия, исторических и этнографических штудий и заканчивая социологическими, физиологическими, психологическими и литературоведческими интерпретациями. Утверждается культурная сконструированность отрочества как возрастного периода и зависимость протекания подросткового кризиса от культурно-исторического контекста.

Ключевые слова: отрочество, подросток, идентичность, междисциплинарный подход, кризис идентичности

Методологические ориентиры исследования

Сложные современные проблемы зачастую не решаются средствами только одной из наук, а требуют разностороннего междисциплинарного исследования, и феномен отрочества здесь не исключение. Однако и сами междисциплинарные исследования, и методология междисциплинарных исследований не являются сильной стороной психологии. Несмотря на популярные призывы и декларация, психология все еще не сделалась наукой ни «культурной», ни «исторической». Обычно изучение подростка ограничивается психологическим, а в лучшем случае социально-психологическим исследованием. Но для постижения мира подростка одних тестов, анкет и даже интервью явно недостаточно – необходимо изучить социокультурный контекст его развития, реконструировать его жизненный мир. А это предполагает поворот к историко-эволюционным, культурно-аналитическим и междисциплинарным исследованиям в психологии. Такие исследования становятся особенно актуальными в последние годы в связи с тем, что и культура, и личность приобрели ярко выраженные качества непрерывных изменений. Нередко наш жизненный мир меняется на глазах одного поколения. В современном мире происходят процессы дифференциации и индивидуализации жизни. Это требует освоения новых методологических стратегий, что, в свою очередь, играет развивающую и, пропедевтическую роль. «Принятие и понимание множественности своей индивидуальности многое в жизни меняет, – замечает И.С.Кон. – Человек XX I века уже не испытывает потребности в строгих определениях, он может позволить себе быть множественным и разным... Его гендерная идентичность, как и все прочие социальные роли, становится более подвижной и текучей и отказывается быть втиснутой в прокрустово ложе однозначных и жестких определений» [Кон, 2008, с. 344]. Все эти культурно-психологические процессы становятся «вызовом» для развития науки. Психология, чтобы понять мир подростка и культуру подростка, вынуждена сотрудничать с историей, культурологией (cultural studies), социологией, этнографией, с литературоведением (например, в случае с изучением подростка это предполагает анализ детства писателей и картины детства в художественном творчестве) и т.п.

Феноменология подросткового возраста значительно определяется контекстом той культуры, в которой происходит взросление: подросток в традиционном обществе и в обществе постиндустриальном, подросток в культуре гуманистического или тоталитарного типа будут давать разную культурно-психологическую феноменологию. Юношеский возраст в целом представляет собой четко выраженную субкультуру [Кон, 1999]. В чем заключается культурно-исторический смысл данного феномена? Историко-эволюционный подход к развитию личности утверждает, что в каждой развивающейся системе наличествуют избыточные неадаптивные элементы, эволюционный смысл которых состоит в выработке вариативных путей культурного развития [Асмолов, 2002]. Эволюционный смысл подросткового возраста, по-видимому, заключается в том, что молодежь выступает в роли пресловутых неадаптивных элементов в культуре, обладающих пассионарностью, избыточной культурно-психологической энергией, которая и позволяет изменить расписанный в мире распорядок действий.

В отечественной науке междисциплинарный подход к изучению подростка был реализован в проектах и исследованиях И.С.Кона. Например, в 1980-е годы в Институте этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая проводились систематические исследования по программе И.С.Кона, обобщающие особенности социализации в ряде культур восточного региона планеты. Изучались этносы Южной и Юго-Восточной Азии, Индонезии, Австралии, Океании, Сибири и т.д. (см. сборники: [Этнография детства, 1988, 1992]). Заметим, что методология междисциплинарного исследования поколения в целом разрабатывалась в начале XX века в трудах Г.О.Винокура, Х.Ортеги-и-Гассета, а И.С.Кон обсуждал феномен поколения в статье «Юность как социальная проблема» [Кон, 1996].

В экзистенциальной, постмодернистской и культурно-исторической парадигмах (последняя, безусловно, шире, чем одноименная концепция Л.С.Выготского [Гусельцева, 2007]) подходы к социализации, индивидуализации и становлению идентичности, начиная с 1990-х годов, предполагают междисциплинарный, сетевой принцип организации знания, переход от позитивистского стиля мышления к герменевтическому и культурно-аналитическому. Примером может служить междисциплинарное исследование феномена отрочества (с подзаголовком в духе Ф.Ницше «История одного заблуждения») П.Юэра, М.Раган-Реймонд и Дж.Реймод [Huerre, Ragan-Reymond, Reymond, 1990]. Авторским коллективом было показано, что отрочество есть в большей степени культурно-исторический конструкт, чем психобиологический феномен. В целом в методологии современных исследований, с одной стороны, увеличивается роль анализа ситуативного социокультурного контекста в становлении психологических конструктов (например, идентичности), а с другой стороны, наблюдается постнеклассическая тенденция размывания дисциплинарных границ и переход к проблемно-ориентированным штудиям. Так, в названном французском исследовании феномен отрочества показан глазами врачей, историков, психологов, антропологов, литературоведов, биологов и физиологов. В результате возникла синтетическая многомерная картина отрочества как культурно-психологического феномена. Этому конкретному примеру междисциплинарного проблемно-ориентированного подхода к феномену отрочества и посвящена наша статья.

Междисциплинарное исследование феномена отрочества

В коллективном труде «Отрочества не существует: история одного заблуждения» авторы доказывают, что даже возрастные периодизации человека есть продукт социокультурной интерпретации, которая, в свою очередь, приводит к господствующим в обществе моделям социализации и индивидуализации личности. Детство, взрослость и старость – это процессы не только биологические, но и социальные. А существует ли в реальности такой феномен как отрочество? – вот вопрос, который вдохновил французских исследователей на междисциплинарное изучение данного феномена. Является ли «отрочество» полностью культурно-психологическим понятием или данный возрастной период все-таки имеет под собой реальное биологическое

основание? Этологами установлено, что в сообществах животных такого явления как отрочество в принципе не существует. Историки свидетельствуют, что в истории человечества и отрочество, и пубертат – довольно поздние понятия: ни в первобытных обществах, ни в Древней Греции, ни в Древнем Риме их не знали. Физиологи убеждены, что пубертат есть явление универсальное и его возрастные границы примерно одинаковы в различных культурах. Коллектив французских авторов поставил перед собой задачу под обложкой одной книги совместить все эти разные взгляды, связать их в единую когнитивную сеть, состоящую из отдельных звеньев: этимологического, этнографического, культурно-исторического, демографического, психофизиологического и т.д. анализа феномена отрочества.

Отрочество: историко-этимологический анализ

В контексте западной культуры (американской и европейской) мы привыкли обсуждать подростковый возраст в терминах кризиса: так, воображение сразу же рисует картину юношеского бунта против авторитетов, раздражительность, максимализм, философские искания, неуравновешенность, перепады настроения, неадаптивность. Этнографы едва ли не первыми поставили этот вопрос: «Возникают ли все эти трудности адаптации у подростков только потому, что они подростки, или же потому, что это подростки, живущие в Америке?» [Мид, 1988, с. 90]. Иными словами, как влияет культура на развитие человека в пубертатный период?

Французские исследователи, поставившие перед собой задачу всестороннего изучения культурно-психологической реальности, которую мы привыкли обозначать словом «отрочество», исходили из предварительной гипотезы: если детство, зрелость и старость есть определенно существующие явления, то феномена отрочества как бы не существует (например, в животном мире его нет); следовательно, отрочество есть результат социализации в культурах определенного типа. Причем и понятие «пубертат» появилось в науке относительно недавно. Представление о юности в целом – это недавний конструкт в истории человечества: не только примитивные общества не знали его, но оно игнорировалось и в обществах очень развитых – например, в Древней Греции, в Риме, во французском обществе средних веков и Нового времени.

Совершив обширный историко-филологический экскурс в глубину веков, ученые проследили рождение, медленное разворачивание и «взрыв» понятия отрочества, которое затем превратилось для нас в догму, в абсолютную истину. Но смысл постмодернистской критики, расцветшей на рубеже веков, как раз и заключается в том, чтобы развенчивать догмы и мифы, осуществляя процедуру «деконструкции» (Ж.Деррида). «Деконструкция» предполагает семантический анализ понятия, как в историческом, так и в современном контексте. Поэтому изрядную долю французского междисциплинарного исследования занял этимологический анализ понятия «отрочество». На сегодняшний день мы оперируем двумя терминами при обсуждении подросткового возраста – это отрочество (*ad olescense*) и пубертат (*puberté*). Поиски в истории языка их истоков, показали, что существует латинское слово «ювенилес» (*juveniles*), которое употребляется специалистами-этологами для обозначения особей половозрелых, но еще не включившихся во взрослые группы. В 1642 году слово «*adolescent*», как видно из анализа изученных авторами франкоязычных источников, употреблялось как шутовское слово (бурлеск), как слово «низкого стиля». В словарь это слово попадает только в 1933 году, благодаря комедии М.Плота «Пленник». Появление в латинском языке слов, связанных с отрочеством стало результатом медленной эволюции индоевропейского корня, означающего «питать», «растить». Авторы приводят три типа близких латинских семантик: 1) *almus, alimentum, alescere, coalescere* – соответственно: питать, вырастить; кормилец, воспитатель, наставник; продукт питания, питаться, следовательно, расти; расти вместе, растя, объединяться в союз; 2) *altus* и все его производные – слова, обозначающие тех, кто вырос; 3) *proles, proletarius, adolescere* – соответственно: ансамбль детей; горожане последнего класса, которые не поддерживают город другими ресурсами, кроме как своим потомством.

В античное время Цицерон использовал понятие «*adulescentia*» (молодость), восприятие которого с тех пор почти не изменилось, он писал: «Старость едва уловимо приходит вслед за молодостью, а молодость вслед за детством». Чем являлось «*adulescens*» для римлянина? Это было имя существительное, мужского и женского рода, обозначающее длящийся период жизни, попадающий в минимуме на 13 лет, но чаще от 17 до 30 лет, а иногда и более. В культуре Рима периоды жизни, когда человек должен жениться, когда завести детей, были определены так же жестко, как и его гражданские и воинские обязанности.

Таблица 1

Периодизация жизни человека в Древнем Риме

Годы	Мужчина (VIR)	Женщина (MULIER)
0–7	малый ребенок (<i>infans</i>)	малый ребенок (<i>infans</i>)
7–17	ребенок (<i>puer</i>)	девушка (<i>puella</i>)
17–30	молодой человек (<i>adulescens</i>)	супруга (<i>uxor</i>)
30–46	человек молодой (<i>juvenis</i>)	мать семейства (<i>matron</i>)
46–60	человек зрелый (<i>senior</i>)	женщина, неспособная иметь детей (<i>anus</i>)
после 60	старик (<i>senex</i>)	старая женщина (<i>anus</i>)

Употребляемая терминология указывает на различия между двумя полами, связанные с социальными ролями и общественным статусом. Так, в возрасте, в котором молодой человек становился «*adulescens*» (17–30 лет), девушка оказывалась не «молодой женщиной», а «супругой». Этот статус делал ее зависимой от мужа. Точно так же, когда молодой человек превращался в «человека молодого», ни «девушка», ни «супруга» не становились «женщиной молодой», но – «матерью семейства» («матроной»). И, наконец, существование мужчины не рассматривалось в качестве производителя будущих граждан, это нашло отражение и в языке. Еще более забавно рассматривать возрастной период 46–60 лет: когда мужчина в полной силе (*senior*), женщина уже считается старухой (*anus*)!

Пройдет еще несколько веков, и отрочество (*ad olescense*) станет неопределенным понятием «возрастания» («роста»), растягивающимся на промежуток в 15 лет. Здесь имеется в виду тот, кто растет, возрастает мускулами и умом, пока не станет гражданином, членом общества. Обратим внимание и на удивляющую нас сегодня «запоздалость» подросткового возраста, он охватывает возрастной период не 12–21, а 17–30 лет.

Нельзя проигнорировать и возрастную периодизацию, которую приводил в своем трактате Гиппократ: «В природе человека есть семь сезонов, которые зовутся возрастами: малый ребенок, ребенок, подросток, молодой человек, сложившийся человек, человек в возрасте и старик». Возраст малого ребенка идет до 7 лет – это эпоха прорезывания зубов; ребенок – до функционирования половых желез; подросток – до появления бороды... и т.д. В средние века каждый возраст символически связывали с определенным животным и планетой, но лишь в середине XVI века Хр. Бертилли объяснил выбор животного для каждого возраста: малый ребенок сравнивается с поросенком, юноша – с конем, сорокалетний муж – со львом, старик – с сурком. Другая средневековая периодизация сопоставляла возрасты человека с четырьмя сезонами, и здесь юность приходилась на отрезок 15–25 лет. В целом же данная эпоха явила пример парадоксальной ситуации: с одной стороны, ученые изъяснялись при помощи различных ухищрений, скрупулезно вырисовывали возрасты жизни человека, с другой стороны, существовал житейский язык с богатой и разнообразной терминологией, но со смешением смыслов и огромным количеством синонимов в обозначении возрастного периода между 15 и 60 годами.

В эпоху средневековья во французской культуре еще долгое время сохраняется латынь, и по этой

причине там не знают иной периодизации жизни. Однако хотя средневековые авторы размышляли о возрастах человеческой жизни, следуя античным образцам, нередко они интерпретировали их в духе христианской символики. В связи с этим стали появляться разнообразные варианты возрастных периодизаций. Так, естественные этапы в жизни человека подчеркивала трехчленная схема: рост и созревание, зрелость и упадок. Эти стадии образовывали арку или дугу, где 30–40 лет представляли собой наиболее совершенный возраст (вершину творческого развития, акме), когда раскрываются все способности человека. Папа Григорий Великий установил связь между возрастами человека и определенными моментами христианской литургии. Существовала и четырехчленная схема, в ее основе лежала идея о соответствии жизненных стадий временам года, берущая начало от учения Пифагора. В тринадцатом веке Филипп Новарский изложил эту концепцию в трактате «Четыре возраста человека». Опираясь на идеи Гиппократ, он утверждал, что каждой фазе жизни соответствует свой темперамент. Возрастные характеристики человека в этой концепции связывались с определенными физиологическими состояниями, и каждому возрасту соответствовал основополагающий элемент мира – вода, огонь, воздух, земля [Гуревич, 2005].

В позднесредневековую эпоху возникла схема человеческих возрастов, в основу которой были положены библейско-христианские мотивы, она опиралась на мистику цифры «6». Так Бог сотворил мир за шесть дней; история человечества делится на шесть этапов: от Адама до Ноя, от Ноя до Авраама, от Авраама до Давида, от Давида до Вавилонского пленения, от Вавилонского пленения до Рождества Христова и от Рождества Христова до конца времен. Шестичленную схему возрастного развития описывали в своих произведениях А.Августин и П.Абеляр, она была популярна и среди других средневековых авторов. Сакральное число «7» также нашло отражение в периодизации возрастного развития. Средневековые авторы выделяли семь планет, семь добродетелей и семь грехов, а также семь возрастов человека: младенец – до 7 лет, ребенок – до 14 лет, подросток – до 21 года, молодой человек – до 35 лет, муж – до 49 лет, пожилой – до 63 лет и старик – до 98 лет. В позднее средневековье (благодаря накопленному опыту астрологических наблюдений о влиянии отдельных планет на разные этапы человеческой жизни) появились аналогии между двенадцатью месяцами года и соответствующими возрастными периодами. Однако историки культуры подчеркивают, что в средневековую эпоху «схемы человеческих возрастов не столько отражали наблюдения над реальным течением человеческой жизни, сколько исходили из отвлеченных схоластических выкладок. Они не учитывали психических особенностей индивида на разных этапах его жизни и, в частности, не обращали особого внимания на специфику детского возраста» [Гуревич, 2005, с. 200].

Появление термина «отрочество» во французских текстах относят к XII веку. В XV веке литературоведы обнаруживают его в текстах Ф.Вийона. Однако появление слова не означает его массового употребления. Смысловые поля понятий все еще сильно смешаны, неопределенны, их регистр позволяет обозначать и мальчика, и возраст, пролегающий между пубертатом (периодом полового созревания) и моментом, когда юнцы признаются обществом настоящими взрослыми. О молодых людях говорят в общем смысле слова – «юные» («юнец», «молодая девушка»). И в литературных текстах эти термины (*jovene*, *jovente*) встречаются гораздо реже, чем те понятия, которые позволяют отнести молодого человека к его социальным обстоятельствам и положению в группе: так, «юнец» означает подмастерье булочника или подмастерье мельника (*maître garçon meunier*). Когда же речь идет о благородном мальчике, лексика предлагает не менее пяти различных слов: «паж» (*page*) – благородный молодой человек, но еще не шевалье; «валет» (*valet*) – оруженосец на службе у шевалье; «бакалавр» (*bachelor*) – почти синоним «валета», но оттенок здесь в том, что юноша уже женат; а также, «дамуазель» (*damoisel*) – молодой человек, готовящийся к посвящению в рыцари; и «щитоносец» (*pucelle*).

В «Крестовом походе детей» (1212) терминологически смешаны безо всякого различия молодые люди и дети, к которым присоединяются также женщины, бедные люди и служанки. Возраст и пол также не поддаются терминологическому различению. Однако этот конфуз со смешением возраста, пола и некоторых обстоятельств, встречающийся под термином «детство» в средние века, существенно объясняется этимологией слова. Ребенок – это тот, кто находится под опекой

родителей; женщина – под опекой мужа; слуга – под опекой господина, а бедняк – под опекой государства.

Активное использование слова «отрочество» пришлось на век «короля Солнца», сразу в трех больших словарях нашлось место этому термину, где отрочество толковалось следующим образом: «первый возраст после детства», «цвет юности», возраст между половым созреванием и зрелостью (т.е. между 14 и 25 годами). В течение всего XVIII и большей части XIX веков «отрочества» снова почти не видно: иногда этот термин проскальзывает как «кусочек девственности» или «новичок, немножко глупый». Зато в середине XIX века P.Larousse дает определение: отрочество (adolescence) – «возраст, где начинаются первые признаки пубертата». В научном языке отрочество и юность по-прежнему смешаны, но житейский (обыденный) язык уже различает нюансы: в нем отрочеством называется только первая половина юности. Между 1865 и 1880 годами слово «отрочество» определяется в словарях как «переходный возраст» (возрастной период 14–25 лет). В современном смысле слово появляется во Франции в 1850 году. Словари XX века дифференцируют отрочество в связи с половыми различиями: 12–20 лет для девочек и 14–22 года для мальчиков. Писатели тоже внесли определенный вклад в развитие этого лингвистического образования и с 1850 года слово «отрочество» определенно утратило насмешливое значение.

Что же касается слова «половозрелый» (puberté), то авторы сборника столь же тщательно прослеживают его эволюцию в истории языка. Значение, которое мы ему придаем сегодня, пришло из латыни (pubis). «Пубис» означает волосы – пробивающийся пушок, который характеризует пубертат, и части тела, покрываемые волосами. Акцент здесь ставился на физические признаки, свидетельствующие о репродуктивной способности. Но исследователи не могли не заметить часто наблюдавшуюся коллизию между половой зрелостью и брачным возрастом: в культуре можно было быть половозрелым, но не возмужалым. В текстах законов, религиозных и светских, от Аристотеля и до наших дней наблюдаются терминологические хитросплетения, связанные с «puberté». Например, авторы указывают на такую тонкость, как различие «пубертата» и «возраста полового созревания». Физиологический пубертат и юридический пубертат – понятия насколько эквивалентные, настолько и различные. Средневековый правовой канон, не противореча римскому канону, относил «физиологический пубертат» для девочек к возрасту 12 лет, для мальчиков – 14 лет. Этот же возраст является в то же время и «юридическим пубертатом», т.е. возрастом законного брака. Однако физиологическая зрелость не означает автоматически «декларируемой зрелости», т.е. возраста законного вступления в брак. Этот возраст фиксируется словарем: 15 лет для девочек и 18 лет для юношей. Цифры остаются приемлемыми и до наших дней.

Завершая историко-этимологический экскурс, исследователи проводят сравнительные параллели эволюции семьи слов «отрочество» (adolescence) со словами «половая зрелость» (puberté). Удивительный факт, но, если первая линия эволюции есть история непрерывных вариаций, то вторая остается удивительно стабильной. С завидным постоянством в истории языка пубертат называется периодом естественной трансформации человеческого организма. Но к этому, довольно однозначному феномену, общества, культуры и эпохи упорно прилаживают другой феномен – возрастной период с сильной варьирующей длительностью, известный как «отрочество». На сегодняшний день во французском языке отрочество выступает термином, в котором смешались, как биологические проявления, связанные с развитием организма, так и все психологические и социальные опасения и амбиции современного общества.

Культурно-исторические и этнографические исследования феномена отрочества

Следующим звеном междисциплинарного подхода стал анализ феномена отрочества в первобытных и традиционных культурах. И здесь свое слово сказали, в первую очередь, этнографы, антропологи

иистики культуры. Во франкоязычной этнологической литературе широко использовалось понятие «дикарь» (sauvage). Дикарем называют того, кто еще остается в естественном состоянии и не изменился посредством культурной деятельности человека. «От животного к человеку, от прилагательного к существительному – слово не потеряло своего пренебрежительного значения» [Там же. С. 39]. В начале XX века слова «примитивный» и «первобытный» нередко употреблялись как синонимы, поскольку во французском языке “primitive” означает и примитивный, и первобытный. Этнологам еще предстояло реабилитировать понятие «дикарь», показав, что «примитивный человек» – не есть человек отсталый или с задержанным развитием. Примитивный человек есть ни кто иной, как человек без колец истории. Однако парадигма, в которой работали психологи и социологи, пытаясь найти «модель понимания» юности, позволяла им в большей степени заниматься ее описанием, нежели реальной разработкой. Культурные модели здесь соперничали с моделями физиологическими, психоаналитическими, когнитивными, образовательными.

Этнографические исследования XVIII века раскрывали обычаи и нравы «примитивных людей» Океании и Америки – без их понимания, но с очарованием. Именно тогда понятия «естественного человека», «благородного дикаря» увидели свой звездный час. XIX век критически отнесся к размышлениям о естественной нравственности Ж.-Ж.Руссо и Д.Дидро, а традиционное поведение аборигенов нередко интерпретировалось в пуританском духе (т.е. как непристойное). XX век с его пристрастием к «научному» методу наблюдения ввел практику этнологических этюдов, ища объяснение некоторым феноменам современного общества посредством сравнительного метода. Не избежал феномен «отрочества» и психоаналитических интерпретаций. В целом же основные вопросы, объединяющие разные исследовательские направления, группировались вокруг двух тем: 1) понятие отрочества в контексте кризиса идентичности, и 2) проблема перехода из одной возрастной группы в другую и стандартизации этого перехода посредством церемоний или ритуальных актов.

Феноменология проявлений неустойчивости и анализ поведения молодежи в современном обществе нередко позволяют трактовать эти пертурбации как существенные характеристики возраста: смысл отрочества в культуре заключается в прерывании спокойного развития. Отрочество характеризуется зависимым экономическим положением, динамичными изменениями, экстремальными ситуациями, флуктуациями, которые придают этому периоду жизни аспекты смятения, потрясения, кризиса. Даже само понятие в антропологии впервые появилось в направлении, исследовавшем иные цивилизации, в которых те, кого называли «подростками» были зависимы от социальной среды и не имели специфики определенной стадии их физического развития. М.Мид сформулировала вопрос так: «Смута, от которой страдают наши подростки, – это следствие их природы или нашей цивилизации?». Французский историк Ф.Арьес показал отсутствие «переживания» детства и отрочества в Средние века. В культурно-историческом смысле понятие отрочество подразумевало «исторические» группы молодежи – сообщества холостяков, включающие в себя иногда и женатых, но не имеющих еще собственного первенца. Важно отметить, что это группы не были связаны с реальным возрастом человека. Это был его «социальный» возраст. Молодой человек мог стать взрослым уже в 12 лет, перейдя из одного социального статуса в другой (став мастером, пройдя посвящение в рыцари и т.п.). Период взросления был относительно коротким, ребенка старались как можно скорее приобщить к миру взрослой культуры. Ф.Арьес показал, что ребенка трактовали не как уникальное существо, обладающее специфической психикой, а как ущербного взрослого. Ребенок не отличался от взрослых одеждой, ни манерами, а художники не умели адекватно изображать детские лица. Для средневековых образовательных технологий также не характерно было учитывать особенности развития детской психики [Арьес, 1999]. С другой стороны, христианская дидактика в целом относилась ко всем верующим как к детям. Переоценка феномена детства произошла лишь во второй период Средних веков, когда возник культ Христа-младенца. Следует также отметить, что средневековая культурно-психологическая реальность разнопланова, противоречива и, несмотря на культурную парадигму, игнорирующую детство, в ней изредка встречались авторы, подчеркивающие специфику детского возраста [Гуревич, 2005].

Сравнительный анализ работ Ф.Арьеса, К.Леви-Стросса, Б.Малиновского, М.Мид, Д.Лаплан и др., показывает, что переход от детства к зрелости выявляет огромную проблему современной цивилизации. Проблему относительно недавнюю, поскольку примитивные общества ее не знали. Проблема подросткового кризиса не была известна «примитивным» культурам потому, что в них она снималась посредством серии ритуальных действий, церемоний, инициаций, эволюционный смысл которых заключался в том, чтобы дать определенное признание наступлению зрелости и совершить социальный перевод ребенка в состояние взрослого, минуя промежуточную ступень лиминальности и культурно-психологической неопределенности.

Сегодня «примитивные» культуры исчезают с карты Земли. В начале века их еще можно было найти, изолированными на малых островах Тихого океана, в густых африканских джунглях, в пустынях Азии. Это были общества закрытые, неконтактные, которые выбирали различные варианты решения жизненных проблем и могли дать нам свидетельства пластичности человеческой природы. Океания с ее мириадами островов явилась привилегированной землей для антропологов. Культура Папуасов Новой Гвинеи стала плацдармом, куда сначала американские исследователи отправлялись один за другим (Б.Малиновский, Дж.Рохейм, М.Мид), затем последовали французские антропологи и М.Годельер, несколько лет жизни проведший с популяцией Варуйя. Африка – континент также не обойденный вниманием исследователей. Все эти работы этнологов и антропологов позволили проинтерпретировать понятие и феномен отрочества, выводя на передний план общественные и социокультурные факторы в развитии этого возрастного периода и доказать, что течение подросткового кризиса детерминировано культурными средствами (*mechanismes*), при помощи которых общество обеспечивает переход из состояния детства в состояние зрелости [Huerre, Ragan-Reymond, Reymond, 1990, с. 41–42]. Большинство исследователей согласно, что в первобытных сообществах нет феномена отрочества, а вести речь следует о «посвященных» и «не посвященных». Если все же попытаться отыскать в этих культурах состояние «подростка», то оно может выглядеть примерно так: «Между посвященными, которые являлись взрослыми людьми обоих полов, мужчинами и женщинами, и непосвященными, которые были детьми смешанных полов, имеются и те, кто находится во времени посвящения» [Там же. С. 43]. В возрастном периоде, расположенном довольно близко к физиологическому пубертату, мальчики и девочки становятся взрослыми, что проявляется в приобретении ими новых прав, а также правил и обязанностей. Этот социальный «переходный возраст», который не имеет аналогом ни одну из природных фаз человеческого развития, чаще всего фиксируется посредством обрядов инициации. В некоторых культурах этот переход предполагает период особенного временного и пространственного уединения, обособления как от группы сверстников, так и взрослых («пролонгированной субординации»), необходимых для обретения нового психологического состояния и потребностей взрослого возраста.

Этапы посвящения хорошо изучены этнографами и антропологами, в частности М.Мид, которая писала, что не существует более интересной исследовательской задачи, чем проследить способы, «при помощи которых каждый маленький человек трансформируется в законченного взрослого». В традиционных сообществах обряд посвящения происходит в самых разнообразных формах: от непосредственного перехода, означенного посредством подросткового ритуала, до «прогрессивного» (ускоренного) развития в многочисленных разновозрастных группах. Механизм последнего в психологии проинтерпретирован в понятиях «зоны ближайшего развития». В популяциях, не знающих письма, а, следовательно, и письменного закона, признаки различных физиологических состояний отмечают определенным образом: 1) отнятие от груди, которое происходит к 2–3 годам, 2) социализация или присоединение к принятой в культуре форме осознания реальности и рассуждения, которое совершается к 6–7 годам, 3) половое созревание и размножение. Эти реальные моменты культурной жизни могут как соответствовать, так и не соответствовать социально отмеченным этапам. Но во всех случаях имеет место культурно-психологическое различие между моментом «до», т.е. тем, что мы называем детством, и моментом «после», или тем, что мы называем зрелостью. Вехи этапов социализации в традиционных обществах строги и кодифицированы. Так, после отнятия от груди наблюдается период, когда ребенок высвобождается

из-под материнской опеки и играет в группе сверстников, совершенно свободный. Первые половые различия появляются к 6–7 годам, и в этом возрасте мальчики располагаются отдельно от девочек. В 9–10 лет ребенка переводят жить в дом для подростков. Пубертат же нередко совпадает с брачным возрастом. У жителей островов Тробрианд неженатый человек не считается зрелым. Хотя он и принадлежит к возрастной группе, соответствующей «зрелости», он не будет обладать всей полнотой социальных прав, экономических преимуществ, не будет иметь собственного дома. На Самоа мальчики и девочки не общаются до 15 или 17 лет. Становясь взрослым, юноша приобретает обязанности и привилегии. А двое юношей 16 лет могут считаться: один как мальчик, другой – молодой человек.

В целом же разброс традиционных культур позволяет выделить в них две крайние позиции: с одной стороны, отсутствие отмеченных этапов в некоторых обществах с плавным, постепенным переходом, а с другой – конструирование («вырисовывание») особого существования во множестве переходных этапов, как это принято у индейцев Капелла или Бразилии, которые различают до шести и даже более возрастных групп, и в определенных племенах австралийцев. Редко какие из первобытных племен не имели *обряд* инициации. Это как раз аборигены Тробрианда. Обряды перехода сильно варьируют и в других аспектах. Так, посвящение может длиться несколько лет, а может ограничиться одной церемонией; может отмечаться как праздник юности, а может быть рядом устрашающих испытаний. Некоторые классификации различают до десяти «практик» посвящения: самоукрашение (татуировка, рисунок на теле и на лице, ритуальный надрез на коже, обрезание), приобретение нового имени и нового языка, отделение от домашнего очага для жизни с однополыми сверстниками, период отделения от женщин, от матери и очага; интеграция в группу мужчин старшего возраста; сексуальная амбивалентность и гомосексуальность, испытание или травля того, кто должен стать мужчиной, воспитание новичков, экономический мотив, пол и плодородие, миф о смерти и воскрешении неопытного подростка. Обряды могут быть простыми по форме, но сложными по значению. В обществе Ману, например, нет подростковой церемонии для мальчиков, но есть простое «сверление» ушей. В самом общем смысле, посвящение дарует привилегии и увеличивает обязанности. Группа молодых людей в некоторых сообществах живёт в специально построенном для них доме, в других же сообществах подростки не отделены от мира взрослых. У индейцев Канелла каждый отмеченный возраст имеет свою территорию проживания. Мальчики Банту 8–10 лет не могут больше принимать пищу в компании матери и сестёр, но должны находиться в компании с другими мальчиками их возраста. Девочки-подростки острова Тробрианд носят специальные юбки. Однако не во всех обществах есть структуры, которые позволяют сделать момент перехода подростков во взрослую жизнь не кризисным.

Этнографами описаны и обряды посвящения, которые переводят человека из асексуального мира в мир сексуальный. На взгляд постороннего наблюдателя, это церемония довольно странная. Однако этнологи и психологи с профессиональным интересом интерпретируют эти символы и согласны в том, что роль «перехода» есть обретение нового социального статуса, «социального пубертата». В анализе социальной роли обрядов инициации нельзя обойти вниманием и психологические трактовки, которые считают эти обряды формами преодоления Эдипова комплекса, возможностью обрести сексуальную идентичность и средством разрешения бисексуальных желаний. С пубертатом просыпается и сознание власти секса. «Инициация болезненна, но она делает человеком» [Там же. С. 48]. Во многих обществах первый обряд приходится на 6–8 лет. Это обрезание, которое означает новый статус мальчика, отстраненного от материнской вселенной. У девочки эта разделяющая черта – первые регулы. Ребенок умирает, рождается взрослый. Сексуальная свобода и участие в политической жизни, согласно Дж.Лютту, есть привилегии взрослых [Там же. С. 49].

В некоторых сообществах подростки получают персональную кровать лишь после пубертата. В Полинезии поощряются добрачные отношения. Молодой человек может тайком встречаться со своей невестой, касаться ее рук, губ. Но ему в обязанность также вменяется и проводить время, общаясь и с интересами группы. К тому же, надо быть достаточно прытким, дабы успеть убежать со свидания, не получив удара специальной палочкой (*bagette*) от отца девушки [Там же. С. 51]. В культурах Океании сексуальность находится в центре жизни индивидуумов и общества.

Девочки перед наступлением пубертата посвящаются в любовь старшими мальчиками, а мальчики старшими девочками. После пубертата они могут следовать различным формам совокупления, но подбор пары подчиняется строгой дисциплине. Также в постпубертатный период дружба между мальчиками и девочками становится более интимной. У Баруйа не возбраняются даже гомосексуальные отношения. Между тем, взрослый сексуальный акт имеет множество запретов: места, времени, неподходящих обстоятельств и т.п. (например, после рождения ребенка и до появления у него первых зубов). В обществе папуасов женщина представляет собой табуированный объект, за 7–10 лет до женитьбы их нельзя ни видеть, ни касаться. Женитьба же приносит с собой полноту социальных прав, экономические преимущества и отдельный дом. Посредством обрядов, которым он подчиняется, человек приходит к знанию своего призвания. Обряды перехода связаны с переменой социальных ролей. Так, в обряде посвящения ребенок становится мужчиной.

Междисциплинарное исследование позволяет не обойти вниманием и анализ традиционных диалектов. Так, юность в Полинезии называется дословно «возрастом удовольствий!» Терминология питания и сексуальных действий довольно часто совпадает. Так, фраза: «Вы поели?» у аборигенов Австралии означает: «Отведали ли вы любовь?» [Там же. С. 52]. Традиционные общества не обладают культурно-психологическим эквивалентным нашему понятию отрочества, т.е. периода медленного приобретения взрослого статуса. Иногда переходный обряд в них более дифференцирован, иногда перевод в состояние зрелости совершается сразу, иногда требуется отдельный период обучения социальным кодам и период передачи знаний. В целом же «дикари» не знали периода «бури и натиска», который характеризует феномен отрочества в современных культурах. Таким образом, считают Р.Нурге, М.Рэган-Реймонд и Ж.М.Реймонд, объяснение этому феномену следует искать скорее в общественной жизни, нежели в природе человека. Отрочество не является естественным периодом развития человека – это феномен, сконструированный нашей культурой. В том факте, что некоторые племенные общества устанавливали пролонгированную фазу посвящения, можно увидеть элемент пропедевтики – культурное изолирование и социализация групп риска, предотвращение угрозы обществу, возможного конфликта поколений.

Подросток и одежда. Изучение французскими исследователями истории костюма

Следующее звено междисциплинарного исследования феномена отрочества посвящено отражению психологии возраста в истории костюма и обсуждению вопроса о том, насколько одежда является индикатором состояния духа в обществе. Понятие «конфликта поколений» – это современное понятие, так же, как и понятие «подросткового возраста» – феномен относительно недавний в нашей истории, ему немногим более сотни лет. Лишь на картинах середины XIX века образы детей отличаются от образов взрослых характерными возрастными признаками детства и зрелости. Например, в XIV веке в Италии и во Франции детские костюмы сеньоров, герцогов, графов и буржуа были точными копиями взрослых костюмов. Однако наблюдались различия в культуре прически. Так, развевающиеся волосы позволяли узнать юную девушку или священника, тогда как замужняя дама всегда имела убранные волосы. На картинах XVII века мальчики и девочки 4–5 лет одеты в одинаково длинные платья, а на гравюрах XVIII века дети часто фигурировали наряженными как взрослые, но наблюдались существенные различия в костюмах аристократов и простолюдинов. Идея моды обнаружила себя сначала в высших классах, и лишь в конце XVIII века мода эмансипировалась и вступила в союз с идеологией. В эпоху Людовика XVI, например. Во Францию пришла «американская» мода на матросский костюмчик. Отныне костюмы как знаки-носители идеологии различаются у детей из разных слоев общества. Есть одна историческая дата, когда костюмы стали ярко свидетельствовать об эволюции идей, – это Французская революция. На улицах встречались женщины в длинных простых платьях, сменившие шляпы на чепцы, с прическами «à la Titus» или «à la Caracalla». Короткие штаны у мужчин-революционеров были заменены брюками. В XIX веке девочки и женщины одевались различно. Между 1800 и 1821 годами длинное платье у маленьких девочек укорачивается, декоративные детали в младшем возрасте

встречаются более редко. В середине XIX века появились первые различия в костюмах «постпубертатной эпохи». Это движение началось с праздничных туалетов для девушек. В возрастном развитии юношей пубертат маркируется появлением усов, шляпы и других аксессуаров, например, тросточки, в которой нельзя не заметить определенного символа сексуальности. Для девочки количество лет прямо пропорционально длине ее платья. Таким образом, теперь возраст индивидуума получил социокультурное выражение, его можно легко установить по высоте шляпы или длине платья. Эти социальные знаки сделали костюмы молодежи практически эквивалентными костюмами взрослых. В 1870–80 годы журналы мод определяли каким критериям должны соответствовать костюмы, согласно возрасту их обладателя. К концу XIX века детские костюмы вновь видоизменились, приблизившись к реальным потребностям детей. Наступила эпоха спортивных обществ, в 1911 году возникло движение скаутов. В 1890 году в истории костюма установилась переходная стадия ко взрослому костюму, соответствующая 14–16 годам. Первое причастие было эквивалентно подростковому обряду, который означал переход ко взрослому состоянию; этому случаю и соответствовал костюм. А юные девушки отличались теперь от замужних дам цветом своих накидок. После 1920 года началась новая эпоха, в которой больше не было детей, одетых как взрослые, но взрослые стремились одеваться как дети. В 1930 году обнаружился еще один знак прощания с детством у подростков – это чулки. Что же касается коротеньких носочков, то это атрибут, который отличал маленькую девочку от женщины. Банные костюмы «для мужчин, дам, детей» разрабатывались в зависимости от их возраста и пола. Однако до 1930 года костюмы все-таки различались больше по социальным, чем по возрастным признакам. После второй мировой войны одежда демократизировалась. В 1960-е годы наступила «эра джинсов». Новое неразличение костюма для детей и для людей в возрасте пришлось на 1970-е годы. Наконец, современная эпоха отличается единством в одежде (глобализацией): люди от трех до семидесяти лет, разного пола, возраста и статуса могут быть одеты в джинсы и тенниску. С другой стороны, нельзя ни отметить и разнообразия: от манеры носить костюм до вариаций его длины, свободы и узости одежды, фривольности и строгости.

Пубертат: взгляд биолога и физиолога

Биологи и физиологи подчеркивают, что «у каждого – свой пубертат» [Там же. С. 73]. Несмотря на генетическую, химическую и физиологическую предзаданность проявлений пубертата, остается определенная зона вариаций во времени их проявления: это обусловлено влиянием на организм окружающей среды. Так, согласно эмпирическим данным, на Юге пубертат наступает раньше, а на Севере – позже. Влияние освещенности на биологические циклы очевидно. Освещенность, эквивалентная нашим сезонам, может, в значительной степени влиять на появление или задержку признаков полового созревания. Наши весенние порывы и осенние депрессии также связаны с освещенностью. Таким же образом и другие экологические факторы прямо или косвенно влияют на созревание индивида. Еще Ж.Бюффон в 1749 году в сочинении «Естественная история» рассуждал о влиянии питания на феномены полового созревания (так, недостаточное питание задерживает наступление пубертата). Более близкие нам по времени исследователи «открыли», что появление первых менструаций коррелирует с весом и ростом индивидуума (критический вес 47,8 + 0,51 кг). Также отмечают задержку пубертатного развития при интенсивных занятиях спортом (задержка до 3–4 лет).

Согласно физиологической интерпретации, наступление половой зрелости есть результат взаимодействия генетических факторов и окружающей среды. Однако во все эпохи и во всех регионах мира, если отвлечься от экстремальных условий, возраст физиологического пубертата в среднем отличался постоянством. В физиологии есть представление и о психосоциальном пубертате, поскольку биологические события разворачиваются в социальной среде. Некоторые эксперименты с млекопитающими сделали это очевидным: например, присутствие или отсутствие родителей значительно влияет на темпы роста животного. Также известны факты, которые лежат в основе «теории привязанности» в этологии: чем больше количество «привязанности» в нежном возрасте, тем легче происходит впоследствии отделение от родителей. Замечено также, что у

человека половое созревание может быть заблокировано психологическими и аффективными причинами (например, при нервной анорексии). Таким образом, интерпретация возраста полового созревания должна учитывать: семейную эволюцию, социально-экономический уровень, прогресс медицины, социальные воздействия, все современные условия в целом.

Не только физиологи, но и психологи предлагают свои интерпретации пубертата. Еще задолго до психоаналитиков Ж.-Ж. Руссо писал: «Мы рождаемся дважды: первый раз – чтобы существовать, и второй раз – чтобы жить» [Там же. С. 77]. З.Фрейд, Ж.Лакан и Ж.Пиаже – каждый на свой манер – уделяли большое внимание пубертату в истории личности (речь идет о генитальной стадии психосексуального развития и стадии формальных операций в интеллектуальном развитии). Однако культурно-психологическая интерпретация отрочества невозможна средствами только одной из наук.

Отрочество как культурно-психологический феномен. Взгляд историков, социологов, демографов, психологов, литературоведов

P.Huerre, M.Ragan-Reymond и J.M.Reymond предприняли обширный экскурс в историю культуры. Они показали, что в античную эпоху представление о важности общественной жизни привело к приоритету государства в сфере образования детей. Но еще более эта тенденция проявилась в Средние века. В VIII веке, в эпоху франков, церковь контролировала всю социальную жизнь – создание семьи, образование детей. Средние века, которые после эпохи Возрождения прозвали «темными», на самом деле таковыми не являлись. Крестьяне, ремесленники, буржуа и дворяне в 8–10 лет начинали реальное обучение, соответствующее условиям жизни своего сословия. В XI веке во Франции каждый приход имел свою школу. Монастырские школы были открыты как для мальчиков, так и для девочек. Там обучали чтению псалмов, теологическим добродетелям, письму и счету. Девочки изучали в монастырях начала медицины, латынь, а также древнеевропейский и греческий языки. Согласно романскому закону, церковь устанавливала легитимный возраст для вступления в брак: 12 лет для девочек и 14 лет для мальчиков. Считалось, что система подростковых браков с их «плодородием» должна компенсировать огромную детскую смертность. К XV веку браки становились все более светскими. В эпоху же, названную Просвещением, философы отстаивали идею, что матримониальный союз есть прежде всего гражданский договор. В средние века, как и в другие эпохи, существовала проблема взаимоотношений личности и общества, социализации и индивидуализации. Один из способов вырваться из своего социального круга был – стать школяром. Другой способ – вручить себя церкви. В средние века взрослость наступала вместе с пубертатом, т.е. в 14 лет. Так, в пятнадцатилетнем возрасте можно было уже стать королем или главой крестьянского хозяйства, сеньором, компаньоном или даже метром, жениться, обзавестись потомством. Хотя сегодня и трудно произвести демографический анализ, есть свидетельства увеличения популяции французов в средние века, обусловленное техническими новшествами в сельском хозяйстве в XI–XII веках. В это же время наблюдался и феномен искусственного увеличения периода детства. Авторы связывают этот феномен как раз с демографическими изменениями. Особенно важным им представляется аспект задерживания возраста женитьбы. Согласно феодальному праву, юридическая зрелость наступала с 25 лет, и возраст женитьбы стал отодвигаться к 20, 25 и 28 годам.

В XV–XVI веках во Франции появилось множество колледжей, возникших на базе средневековых Факультетов искусств. В отличие от других Факультетов – медицинских, правовых, теологических – здесь не требовалась специальная подготовка. Образование включало в себя тривиум (грамматика, риторика и диалектика) и квадриум (геометрия, арифметика, астрономия, музыка). Начиная с Ренессанса, происходили изменения в образовательной системе, возникали лекции, классы. Ученики тоже становились другими, это были уже не банды бродячих школяров. В колледж теперь можно было поступить с 7 лет и выйти хорошо подготовленным в 15–17 лет.

Однако образование становилось более аристократическим, и необеспеченные люди не могли взять наставника себе и своим детям. Анализируя культурно-историческую ситуацию XVII века, можно увидеть, как закладывается разное будущее для двух больших социальных групп. В первой социальной группе сыновья к восьми годам поступают в колледж, подготовленные под руководством личного гувернера. Обычно они учатся верховой езде, танцам, фехтованию и часто к тринадцати годам записываются в Академию, чтобы связать свою судьбу с воинским статусом. Сыновья магистратов и буржуа учатся в колледже и поступают на три Факультета – медицина, право, теология, – чтобы получить ученую степень доктора. В XVII веке никого не удивляют 12-летние аспиранты и моряки, 14-летние капитаны и даже 18-летние доктора права. Так, Маргарита Валуа в 12 лет воспроизводила наизусть Гомера, свободно владела латынью, итальянским и испанским языками. Другую группу составляли люди, стоящие на крайних ступенях социальной лестницы: речь идет о потомках принцев и ремесленников. И те, и другие были изолированы от сверстников, одних ждало будущее под руководством «наставника», других – «патрона».

С XIV по XVIII века демографическая кривая во Франции негативна. Столетняя война, религиозные войны, множественные периоды голода, обширные эпидемии – привели к этой тенденции. Медицина в средние века курировалась церковью. Греческие и латинские манускрипты хранились в стенах монастырей, и также при монастырях возникли первые лечебницы и госпитали. Первая светская школа медицины была открыта в Италии, в Салермо, а первый медицинский Факультет основан во Франции в 1220 г. Заметим, что медицинское знание было освобождено от схоластики и догматизма. В XVI веке чума поразила Европу, английский грипп перекинулся на континент, появился сифилис. Зато XVII век стал золотым веком для медицины: была изобретена вакцинация. По мнению авторов, именно медицинское знание оказало первостепенное влияние на выравнивание демографической ситуации. Период с 1795 по 1848 годы, по мнению авторов сборника, явился временем наименьшего влияния юности в обществе. Чтобы охарактеризовать отрочество в XIX веке, авторы обратились к дневникам и литературным источникам (например, цитируя «письма Люси» к своим друзьям и близким из закрытого колледжа де Кутанс). XX век стал веком, когда отрочество прочно закрепилось в нашей психологизированной культуре. В качестве примера юношеских движений, повлиявших на политическую ситуацию, авторы приводят студенческие выступления в разных странах.

Отрочество в современном обществе, считают авторы сборника, является его симптомом, болезнью, опасностью, «несносным отражением»; диагностикой общества, движущегося к закрытости, которое для своей собственной защиты маркирует (означивает – в психологической терминологии) подростковый возраст в качестве трудного. Завершая свой труд П.Юэр, М.Раган-Реймонд и Дж.Реймонд подчеркивают, что целью их исследования не является ни выработка определенных решений, ни закрытие темы, а, напротив, раскрытие глаз на то, что наша человеческая история – это наша повседневность. И поэтому в исследовании смешаны тона и жанры, анализ феномена отрочества постоянно менял свои когнитивные контексты, оказываясь то в поле зрения физиолога, то психолога, то историка, то исследователя социальных и культурных движений и даже животного мира. Понятие «отрочества» играет огромную роль в современной культуре и культурной политике, однако при всем богатстве его культурно-исторической феноменологии, это возрастное состояние все-таки теоретически сфабриковано. Для того чтобы рассуждать о возрасте или индивидууме, надо прежде всего поставить вопрос об обществе, в котором человек живет. И процессы социализации, и процессы индивидуализации личности не могут в современную эпоху быть адекватно истолкованы вне анализа социокультурного контекста. Авторы полагают, что пришла пора освободить и возраст, и детей, становящихся подростками, от мифа о пубертате с его кризисами и потрясениями, поскольку данный миф социально сконструирован. Однако это не столько утверждение, сколько вопрос, которым П.Юэр, М.Раган-Реймонд и Дж.Реймонд завершают свою книгу.

Изучение феноменов отрочества американскими исследователями

Большинство американских междисциплинарных исследований проводится в рамках культурной антропологии, а изучение феноменологии подростка в большей степени носит кросскультурный, социологический и социально-психологический характер. Исследователи признают, что возрастные границы подросткового периода довольно расплывчаты: нередко этот период включает в себя целое десятилетие [Крайг, Бокум, 2006]. Подростковый возраст представляет собой переход от детства к взрослости. Длительность данного перехода определяется историческим и социокультурным контекстом. Увеличение подросткового периода развития произошло в новейшее время. В традиционных обществах обряды перехода (инициации) делали подростковый период более коротким и определенным по времени. Замечено также, что нередко картина психологии подростка возникает с опережением физиологических изменений. Особенности подростковой субкультуры в США посвящено множество психологических и социально-психологических исследований. Авторы особенно выделяют такие признаки этих сообществ, как замкнутость, «возрастная сегрегация», отделение от мира взрослых и детей; сензитивность к социально-политической обстановке; восприимчивость к влиянию средств массовой информации. «Индивидуумы в любом возрасте обучаются лучше, если они могут воздействовать на окружающую среду. Воспринимать последствия своих действий и обладать определенной силой для их изменения» [Там же. С. 494]. Широко обсуждается вопрос, откуда подростки берут модели поведения? Подражание в подростковой субкультуре сильно развито. Однако подростки – это еще и «неадаптанты», которые выпали из одной культурной традиции (мир детства) и не попали в другую (мир взрослых), поэтому нередко они творят собственные нормы и ценности. Подростки – вид маргинальной субкультуры. Исследователи отмечают свойственную им интолерантность, максимализм, тревожность, раздражительность, социальный конформизм (потребность в признании референтной группой), неустойчивую самооценку. Все это классические характеристики подросткового возраста, а, другими словами, наши стереотипы восприятия подростков.

В американских и англоязычных социально-психологических исследованиях обсуждаются проблемы социального статуса в малой группе (решая эти задачи, подростки ищут свою социальную идентичность), доказывається, что ресурсом для решения разных проблем развития выступает личность (личность как психологический конструкт), потому что чем более развита его личность, тем продуктивнее подросток справляется с текущими проблемами. Признаком взрослости считают наступившую эмоциональную зрелость. Со стороны физиологии подростковый возраст отличается стремительностью физиологических изменений, неустойчивостью образа Я (феномены плавающей идентичности), в этом периоде существует также проблема разрыва реального и идеального Я. Биологическими признаками пубертата считают наступающую половую зрелость (менархе у девушек и семяизвержение у юношей). Однако исследования показывают, что роль культуры и семьи на биологические проявления пубертата велика. Отрочество также является сензитивным периодом для формирования критического мышления. В экспериментальных психологических исследованиях показано, что этому возрасту свойственен конвенциональный уровень морального развития [Крайг, Бокум, 2006; Шэффер, 2007].

Концепции формирования идентичности в американской психологии отличаются разнообразием и пестротой; это и теории интеракции и общения; и идеи самокатегоризации индивидуума в референтной группе; и довольно популярные сегодня идеи социального конструкционизма (К.Джерджен; П.Бергер и Т.Лукман). В современной культурно-исторической парадигме различают две модели развития идентичности: модель кризиса и модель перехода. Причем выбор той или иной модели обусловлен рядом социокультурных факторов. В связи с этим наиболее продуктивные исследования идентичности ведутся как раз на стыке психологии, истории и ряда смежных наук. В американских культурно-психологических исследованиях большое значение играет понятие «идентичности» и тема «кризиса идентичности» (проблема, поставленная в классическом труде Э.Эриксона).

Идентичность в современном мире представляет собой подвижное и легко трансформирующееся образование. «В мире, в котором альтернативные реальности постоянно входят друг с другом в конфликт, и в котором множество возможных идентичностей выставлено напоказ,

неопределенность идентичности, возможно, является неизбежным побочным продуктом» [Мегилл, 2007, с. 138]. А.Мегилл также постулирует взаимосвязь: чем сомнительнее идентичность, тем важнее в обществе становится роль «памяти» и «истории», культурных средств в целом.

В современном культурно-психологическом анализе различают «модернистскую идентичность» и «постмодернистскую идентичность». «Модернистская идентичность» возникла в начале XX века. До этого времени формирование персональной идентичности происходило в рамках религии, нации, этноса и государства. И лишь в начале XX века персональная идентичность стала проблемой отдельного человека. Возникла идеология строительства жизни как произведения (прежде всего, в божественных кругах). Замечено, что всякое новое веяние в культуре возникает в элитной или маргинальной группе (так, Ю.М.Лотман ввел понятие «лаборатория жизни» – малое сообщество людей, неформальное объединение, в котором и происходит творчество иных культурных ценностей [Лотман, 2000] и лишь некоторое время спустя новая культурная эпоха становится массовым явлением. Довольно часто в качестве такой «лаборатории жизни» выступают отдельные молодежные субкультуры.

Вместе с модернизмом в культуру пришло и понятие «само моделирование» [Greenblatt, 1980]. В эпоху модернизма в развитых странах произошла *проблематизация идентичности*: идентичность стала рассматриваться как образование вариативное и неустойчивое, неопределенное, как результат собственного выбора, конструирования, синтеза разных, а нередко и взаимоисключающих ролей. «Когда внешние опоры отсутствуют, индивиды и сообщества имеют возможность моделировать свои собственные идентичности» [Мегилл, 2007, с. 139]. Культурными средствами такого конструирования становятся культура в целом, литература, история. Если образование занято формированием социальной идентичности, то персональная идентичность – задача собственного творчества и поиска культурных средств.

Применительно к подростковому возрасту Дж.Марсиа была предложена модернизированная концепция идентичности. Он выделил четыре вида идентичности, свойственных подростковому периоду: предрешенность (1), диффузия (2), мораторий (3), достижение идентичности (4). Особенностью первого вида идентичности является то, что выбор идентичности за подростка делает кто-то другой (родители, наставники, сообщество). «Самоопределения» как такового здесь не происходит. Второй вид идентичности характеризуется тем, что у подростка нет собственного стержня жизненных целей и ценностей, он живет, как живет, плывет по течению. В этих двух случаях кризиса идентичности не происходит. Подросток превращается в инфантильного взрослого. Третий вид идентичности связан с тем, что подросток пребывает в вечном кризисе, занят постоянным поиском себя. Четвертый вид идентичности – это случай, когда индивидуализация произошла.

Согласно Г.Крайгу и Д.Бокуму, «статус идентичности» у подростков серьезно влияет на социальные ожидания, на самооценку и образ Я, на устойчивость к стрессу и т.д.п. Ведущая социальная эмоция у лиц, находящихся в статусе моратория, – это тревога как следствие лабильности ценностей, противоречивости и непредсказуемости. Подростки в статусе предрешенности – более внушаемы. Диффузный статус наблюдается у «отверженных». Подростки же, достигшие идентичности, наиболее уравновешены.

Более того, «кросс-культурные исследования в Соединенных Штатах, Дании, Израиле и других странах позволяют предположить, что четыре статуса Марсиа являются частью сравнительно универсального процесса развития, по меньшей мере, для культур, характеризующихся длительным подростковым периодом и индивидуалистической ориентацией» [Крайг, Бокум, 2006, с. 527]. Однако «статус идентичности» явление многоаспектное: так, один и тот же подросток «может находиться в состоянии предрешенности относительно полоролевых предпочтений, моратория в отношении выбора профессии или религиозных убеждений и диффузном относительно политической философии» [Там же. С. 528]. Что касается гендерных различий в исследовании подростковой идентичности, то учеными замечено, что у юношей сначала формируется внутренняя

идентичность, а у девушек – сочетание межличностной и внутриличностной.

Несмотря на идеи о спонтанной психической активности и саморазвитии психики, имеющие длительную традицию в психологии (прежде всего, германской), считается, что индивидуализация является более поздним процессом по отношению к социализации (и здесь сходятся такие разные ученые, как Л.С.Выготский и К.Юнг). Именно подростковый возраст выступает полигоном, где происходит (или может произойти) смена модели развития – от приоритета социализации и обретению социальной идентичности к приоритету индивидуализации и конструированию персональной идентичности. В этом случае одним из вариантов кризиса идентичности может стать конфликт между «персональным я» и «социальным я». Социальная среда, окружающие нас близкие люди часто заставляют нас быть не собой – эти темы были подняты в философии жизни и экзистенциализме и широко обсуждаются в художественной литературе. Для обретения «стабильной идентичности» необходимо прийти к консенсусу между процессами социализации и индивидуализации в собственном развитии. Другим вариантом кризиса идентичности является конфликт между внутренним миром, сформировавшимся в определенной культуре и изменяющейся социальной реальностью. Это одна из современных междисциплинарных проблем, которая обсуждается, как в американской, так и в европейской литературе.

Литература

- Арбес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
- Асмолов А.Г. Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2002.
- Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005.
- Гусельцева М.С. Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007.
- Кон И.С. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008.
- Кон И.С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 1988.
- Кон И.С. Социологическая психология. М.; Воронеж: МОДЭК, 1999.
- Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб.: Питер, 2006.
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. М.: Искусство, 2004.
- Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
- Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003.
- Шэффер Д. Дети и подростки: Психология развития. СПб.: Питер, 2007.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
- Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1988.
- Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М.: Наука, 1992.

Huerre P., Ragan-Reymond M., Reymond J.M. L'adolescence n'existe pas. Histoire des tribulations d'un artifice. Paris: Editions Universitaires, 1990.

Дата публикации: 14 октября 2008 г.

[Сведения об авторе](#)

Гусельцева Марина Сергеевна. Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: mguseltseva@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Гусельцева М.С. Отрочество: миф или реальность? Междисциплинарный подход к проблеме [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. N 1(1).

URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)